

Ностальгия по ненастоящему

Пелевин избавил критику от почетной обязанности критиковать. Он сам перечислил в предисловии все, в чем можно его упрекнуть. Перечислять не буду. «А Хули», — как говорит сам автор.

Вторая заморочка — автор якобы отвечает в этом романе на все вопросы журналистов. Ну, это опять же прямая аллюзия к Льву Толстому, который вежливо объяснил: чтобы раскрыть публике смысл «Анны Карениной», надо дословно повторить весь роман.

Пелевин так и поступил. Слово в слово повторил все свои предшествующие приемы. А почему бы и нет? Кто вообще доказал, что писатель должен создавать что-то новое? Во-первых, никто никому ничего не должен. А, во-вторых... Забыл, что же там во-вторых. Засмотрелся на голенькую нимфетку на обложке.

Дело в том, что Пелевин — Писатель Писателевич в полном смысле этого слова. Это значит, что слова в нем оживают, женятся, размножаются и живут своей таинственной жизнью. Обмолвился Грызлов словосочетанием «оборотни в погонах», а у Пелевина это сразу обложилось в словесную плоть и кровь. Настоящий Саша-вервольф, генерал КГБ.

Читать Пелевина одно удовольствие. Вернее, не одно, а сто удовольствий. Тут тебе и «Аленький цветочек», и «Лиса и волк», и любовная переписка Фрейда с Эйнштейном, и средневековый китайский роман о девочках-лисицах, оборотнях без погон, без штанов и юбок. Все есть, и ничего нет, великая пустота, мировое ничто — любимая китайская заморочка. «Что ты делаешь?» — спросили у Лао-Цзы. — «Ничего». — «Ничего не делаешь?» — «Нет, делаю ничего».

Пелевин вовсе не притворяется дзен-буддистом. Он на самом деле дзен-буддист. Этим и отличается от трагического Сорокина и заземленного Виктора Ерофеева. В русской литературе еще не было писателей дзен-буддистов. Пелевин успешно обосновался в этой пустовавшей нише. Литературный бодхисатва в черных очках.

Единственное, что ему грозит, — это канонизация. Не знаю, есть ли у дзен-буддистов мощи, но не сомневаюсь, что через 100 лет имя Пелевина обязательно попадет в дзен-святцы. А если к тому времени сформируется наконец-то мировая религия, то его романы будут выносить из экуменических Царских врат и читать нараспев. Вряд ли для этих целей будет использована «Священная книга оборотня», хотя действие и происходит в храме Христа Спасителя. Скорее выберут бесхитростную притчу «Чапаев и Пустота». Там была радость обретения нового смысла и освобождение от школьной программы, когда рвут и топчут учебники.

От былой радости обретения свободы не осталось и следа. Пелевин сам превращается если не в школьного учителя, то в гуру, отвечающего на все вопросы. Кстати, этой участи не избежал даже Лев Толстой. В романе «Воскресение» он уже не пишет, а отвечает. Вот и Пелевин зачем-то стал «отвечать» ненавистным критикам и журналистам. Но это еще полбеды. Полная беда в том, что он стал отвечать себе и читателям. А это уже не дело писателя, писатель рожден не отвечать, а задавать вопросы.

Смеялся, смеялся над Солженицыным, а сам как-то незаметно для себя превратился в обличителя журналистов, бизнесменов, политиков и всего так называемого общества. Правда, истинная веселость и талант не позволяют полностью перевоплотиться в зануду-вероучителя, но сквозь буддийские мантры уже четко прослушивается, как ни странно, старческое брюзжание.

Может, молодость кончилась. Может, герой постарел. Ему уже для пробуждения чувственности нужны гипнотические пассы хвоста лисы-нимфетки. А свой хвост, похоже, уже обвис и никаких пассов не производит. Дженерейшен пи превратилось в дженерейшен пи-пи. О нем не скажут: «А вы на земле проживете, как черви слепые живут. Ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют». Сказки рассказали Сорокин с Пелевиным. Песни спели Найк и Земфира. Будут ли читать эти сказки в будущем? Разве что в программе «Ностальжи».

Константин КЕДРОВ

руч. Виктор 2004 — 16.11.09 — с. 12

46